

энергичную динамику и непредсказуемость. В большинстве случаев протесты начинались очень мирно (хотя небольшие группы нередко прибегают к насилию по ходу массовых демонстраций), но в некоторых странах переросли в настоящие уличные бои, причем к эскалации и продолжению протестов приводил полицейский произвол.

И конечно же, ключевым инструментом информирования, мобилизации и объединения стали социальные сети, имеющие особое значение для молодежи и студентов. Многие известные студенческие движения последнего десятилетия сопровождались массовыми онлайн-кампаниями. Хештег #FeesMustFall («Взносы должны пасть»), запущенный в ЮАР в 2015 году, оказался таким броским, что его подхватили участники студенческих движений в Индии и Уганде в октябре и ноябре 2019 года соответственно, которые выступали с такими же требованиями, как и южноафриканские студенты. Для правительств многих стран соцсети, играющие мощную роль в распространении протестных движений, остаются силой, которую те пытаются укротить, для чего они замедляют интернет или блокируют соцсети.

Роль студентов

Именно студенты стали главными инициаторами ряда протестных движений последнего времени. В качестве примера можно привести Гонконг и Ирак. В других странах, например в случае с французскими «желтыми жилетами», студенты никак не участвовали в зарождении движения и не играли роли в его развитии. Впрочем, участие студентов в протестах вовсе не означает, что темы, связанные с образованием, занимают центральное место в повестке, даже если студенты составляют ядро протеста. Можно уверенно утверждать, что сейчас, в отличие от активистских движений 1960-х, студенты не стали ведущими игроками всех протестных движений, но при этом они поддерживали большинство из них, а в некоторых лидировали.

Спустя десятилетие после мирового экономического кризиса по миру прокатились студенческие протесты. Хотя 2019 год можно в целом назвать годом международных уличных протестов, именно студенты начали выводить протест на улицы еще несколькими годами раньше, чтобы выразить свое возмущение политикой жесткой экономии и общественным неравенством. Триггером в разных странах служила стремительная приватизация высшего образования в условиях режима строгой экономии. За последнее десятилетие массовые студенческие протесты, связанные с высокой стоимостью обучения, проходили в Бангладеш, Великобритании, Германии, Индии, Италии, канадском Квебеке, Малайзии, Чили, Уганде, Южной Корее, ЮАР и в других странах. Еще одним новым фактором, который, возможно, станет предвестником каких-то новых тенденций, стало участие в протестных движениях и школьников. В некоторых странах и регионах,

например в Чили и Гонконге, ученики старших школ участвуют в политических протестах, но гораздо важнее тот факт, что школьники всего мира оказались вовлечены в набирающий популярность экологический активизм.

События, которые мы наблюдали на протяжении 2019 года, вряд ли можно сравнивать со студенческой революцией 1968 года. Скорее стоит говорить о молодежной революции/эволюции. Впрочем, нельзя отрицать несомненно важную роль студентов как отдельной группы в развитии современных общественных движений, по крайней мере в том, что касается их призывов к социальной справедливости, которые стали своего рода прелюдией к сегодняшней волне активизма.

Массовые волнения в Чили: не студенческое движение

Андрес Бернасconi и Пит Лихи

*Андрес Бернасconi — профессор,
Пит Лихи — исследователь факультета
образовательных наук Папского католического
университета Чили.
E-mail: abernasconi@uc.cl, peodair@gmail.com.*

В 2019 году массовые протесты парализовали города и страны по всему миру. Обычно спокойное Чили — лидер Латинской Америки по экономическому развитию на протяжении трех последних десятилетий — сотрясилось от протестов и уличных бесчинств. 10 октября 2019 года скоординированному нападению подверглось одновременно 118 станций метро в столице страны Сантьяго. 25 станций сгорело, семь из них оказались полностью разрушены. Массовость и точная локализация нападений наводит на мысли о том, что за этим стоит единый идейный вдохновитель, но пока подобного человека или организации не найдено.

Вслед за этими событиями для выражения ярости и отчаяния протестующие стали выходить на массовые демонстрации и шествия по всей стране. Причем на этот раз протесты возглавили не подающие надежды молодые политики из университетской среды, а банды со спрятанными под масками лицами. В течение более чем трех месяцев агрессивные маргиналы с непонятной политической повесткой громили торговые центры, небольшие предприятия, супермаркеты и церкви. Отряды особого назначения оказались не в состоянии справиться с погромщиками, полиция была не в силах остановить мародерство. Президент Себастьян

Пиньера, придерживающийся правоцентристских взглядов, еще в самом начале кризиса объявил в стране чрезвычайное положение, дав военным возможность восстановить общественный порядок и спокойствие, но через семь дней военные были отозваны. На фоне десятков подтвержденных случаев грубых нарушений прав человека со стороны полицейских и военных на пике кризиса в октябре-ноябре, что вызвало массу критики на местном и международном уровне, Пиньера стал сомневаться в целесообразности привлечения армии.

Новый повод для ярости

События завязались, когда из-за объявленного повышения полного тарифа на проезд в метро (до суммы, эквивалентной 40 американским центам) школьники стали массово прыгать через турникеты. Примечательно, что традиционные организованные студенческие политические движения в этих акциях не участвовали.

Это необычно, учитывая, что две предыдущие волны массовых демонстраций были инициированы и возглавлялись именно представителями студенческих организаций. В 2006 году школьники на несколько месяцев приостановили работу средних школ в стране, протестуя против низкого качества образования в государственных школах и против растущей приватизации и коммерциализации системы образования. В 2011 году пришел черед студентов, которые протестовали, помимо прочего, против увеличения долгов за обучение.

Сейчас ситуация иная. Масштаб и неистовство последних протестов стали полной неожиданностью, и наблюдателей дезориентирует отсутствие ясного мотива, объединяющего протестующих. Политологи и социологи выдвинули три гипотезы. Десятилетия стабильно высокого экономического роста завершились, экономика забуксовала, а надежды на социальные лифты в условиях неолиберализма не оправдываются. Нижние слои среднего класса, составляющие значительную долю населения, чувствуют себя оторванными от остальной страны. Одновременно усиление неравенства доходов и, соответственно, неравенства возможностей ощущается в отношении всего спектра социальных прав — от образования и здравоохранения до пенсионного обеспечения. Достаток, которым может похвастаться лишь незначительное меньшинство, воспринимается остальным населением как плевков в лицо. Наконец, в стране наблюдается непреодолимый разрыв между поколениями. Тем, кто жил при режиме Пиночета и боролся с ним, уже за пятьдесят, и они высоко ценят восстановленную за 30 лет демократию, несмотря на все ее пороки и недостатки. А поколение, выросшее уже в демократическом и умеренно богатом государстве, не готово больше не глядя принимать сложившийся общественный договор и критикует его предпосылки. Это поколение хочет начать с чистого листа и воплотить в жизнь собственное видение.

Пострадавшие от поджогов университеты ошарашены не меньше остальных.

В недовольстве тем, что в стране по-прежнему действует принятая еще Пиночетом в 1980 году (и многократно измененная с тех пор) конституция, ориентированная на поддержку бизнеса, нет ничего нового, но именно сейчас чилийцы осознали, что нужно не просто возмущаться, а как можно скорее разработать конкретную и конструктивную альтернативу.

Университеты подвергаются сомнению

Пострадавшие от поджогов университеты ошарашены не меньше остальных. Исторически студенческие политические организации и академическое сообщество всегда находились в Латинской Америке в авангарде борьбы за социальные изменения. Учиться в университете и иметь возможность рассуждать о взглядах и потребностях своего поколения долгое время считалось привилегией. Но высшее образование стало более доступным, и в этой связи в обществе произошли изменения. Из площадки для рефлексии на общественно значимые темы система высшего образования превратилась в ярчайший пример неравенства, неэффективности и отсталости. Общественные институты поставлены под вопрос, и университеты не исключение.

Более того, у студентов чилийских университетов сейчас складывается ощущение, что они предадут идею протеста, если вернуться в учебные заведения и сделают их основной площадкой размышлений и обсуждений. Нет, подлинный, оправданный с моральной точки зрения способ для студентов донести до широкой публики свое мнение — это выйти на улицы, шествовать вместе с другими, скандируя лозунги. Студенты перестали посещать занятия в октябре, и еще в начале 2020 года было неясно, вернуться ли они в марте с началом нового семестра. А учащиеся выпускных классов бойкотировали и саботировали проведение единого письменного вступительного экзамена, который и так два раза откладывался из-за протестов. Они взламывали помещения, где должны были проходить экзамены, и досаждали снаружи. Впервые за всю историю страны перед экзаменом через соцсети оказались слиты все вопросы вместе с ответами, из-за чего организаторам пришлось вообще отменить тестирование.

Для чилийского высшего образования и чилийской молодежи наступили трудные, непредсказуемые времена. Но несмотря на этот спровоцированный народом хаос мы не должны забывать, что академическое сообщество по-прежнему предано идеалам и способно к рефлексии и дискуссии.

